тымъ капитализмомъ, достаскивать ему возможность больше или менѣе оградить себя отъ угрожающей ему социальной опасности и до извѣстной степени ослабить революціонное значеніе той самой *организованности рабочихъ масъ*, которая, въ противномъ случаѣ, должна была бы служить прямымъ источникомъ его гибели. Развитой капитализмъ организуетъ рабочія массы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ имъ съ своей стороны нѣкоторый компромиссъ; онъ организуетъ ихъ не въ почвѣ стихійнаго экономическаго хаоса и экономическихъ бѣдствій, сопровождающихся общественными катастрофами и безплодною гибелью производительныхъ силъ—какъ это рисовалось авторамъ Коммунистическаго Манифеста,—а, напротивъ того, въ почвѣ возрастающей плодовитости капиталистической эксплуатаціи и все возрастающаго накопленія національныхъ богатствъ, дающихъ возможность организованнымъ рабочимъ массамъ добиваться непосредственныхъ экономическихъ улучшеній. Всѣдѣствіе этого, наиболѣе организованная часть рабочаго класса незамѣтно, въ силу фактическаго положенія вещей, въ силу данныхъ условій экономической жизни, идетъ по пути наименьшаго сопротивленія и вовлекается въ борьбу съ капиталистическимъ строемъ на почвѣ ближайшихъ экономическихъ задачъ и даже привлекается къ активному участію въ промышленной жизни страны. Развѣ мы не читаемъ, въ самомъ дѣлѣ, отчетовъ объ огромномъ ростѣ чисто профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, напр., въ Англіи, обнимающихъ милліоны рабочихъ и насчитывающихъ десятки милліоновъ прибыли отъ своихъ потребительныхъ и кооперативныхъ предпріятій? Развѣ мы не читаемъ о томъ, какъ они вводятъ для своихъ служащихъ 8-ми часовой рабочій день, нормальную рабочую плату и пр.? Развѣ мы не читаемъ также о разныхъ третейскихъ палатахъ, устанавливающихъ «справедливую» силу рабочихъ платъ, опредѣляющихъ «справедливую» норму капиталистической прибыли? Между тѣмъ, все это въ значительной степени чисто-оппортунистическое движеніе въ рабочей средѣ, неизмѣнно, развивается вмѣстѣ съ усиленнымъ развитіемъ крупной капиталистической промышленности и ростомъ національнаго богатства, составляя одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей современнаго индустріализма. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ 1891 г., организованныхъ въ профессіональные синдикаты рабочихъ насчитывалось около 300.000 чел., а въ 1905 г. ихъ насчитывается уже 1.250.000 чел.; кассовая наличность этихъ синдикатовъ въ 1891 г. равнялась 161.000 руб., а въ 1903 г. она уже поднялась до 7.250.000 руб. Но при этомъ, вмѣстѣ съ такимъ ростомъ и процвѣтаніемъ, неизмѣнно повторяется одно и то же явленіе—измѣняется къ которому поворотъ въ сторону болѣе умѣреннаго, выжидательнаго направленія, въ сторону скорѣе реальной, чѣмъ революціонной политики... Такъ, мы видимъ, что въ германскомъ соціалистическомъ движеніи

уже начинаютъ возникать теперь серьезныя опасенія на счетъ опасности направленія дѣятельности этихъ рабочихъ синдикатовъ. «По мѣрѣ роста и развитія профессіональнаго движенія»—читаемъ мы въ статьѣ бывшаго русскаго соціаль-демократическаго органа «Пролетарій» по поводу недавняго Кельскаго профессіональнаго съѣзда—«начали раздаваться голоса, противопоставляющіе *экономическое положеніе*, настаивающіе на необходимости для профессіональныхъ союзовъ держаться въ сторонѣ отъ всякой политики, вести спокойную буржуазную борьбу съ хозяевами за мелкія, буржуазныя требованія экономическаго характера». И эти голоса, какъ извѣстно, получили огромный перевѣсъ въ Кельскомъ съѣздѣ профессіональныхъ союзовъ; рѣчь представителя чисто-экономическаго направленія, извѣстнаго Бемельбургъ, сопровождалась какъ почти непрерывными рукоплесканіями, а предложенная имъ резолюція, отвергавшая политическія стачки и даже осуждавшая самую пропаганду ихъ, была принята почти единогласно. Интересно также сообщеніе другой русской соціаль-демократической газеты, «Искра», мнѣнію которой многіе изъ тѣхъ, которые на соціаль-демократическихъ конгрессахъ встрѣчали антибюрократическія резолюціи, теперь въ Кельнѣ почувствовали себя свободными отъ всякой лести, отъ всякой «угодливости» и «нашли реальнѣе, отмѣтила соціаль-демократія за Гановеръ, Дрезденъ и пр.»—«что, между прочимъ, обнаружило призрачность прежнихъ побѣдъ»—прибавляетъ авторъ статьи (№ 101).

Мы взяли на удачу эти нѣсколько фактовъ, чтобы указать на то направленіе, какое могутъ принять и *дѣйствительно принимаютъ* сами рабочія организаціи при условіи успѣшнаго развитія капиталистической промышленности. Разъ только уничтожена та преграда, согласно которой развивающаяся сама капиталистическая промышленность обращается въ экономическое благосостояніе самого буржуазнаго общества и подрываетъ ростъ національнаго богатства, то тѣмъ самымъ уничтожается также и главная экономическая основа той аргументаціи, которая строитъ соціалистическій переворотъ исключительно на успѣшномъ развитіи крупнаго капиталистическаго производства. Теоретическая формула этого построенія: тѣмъ дальше по пути безпрепятственнаго и всесторонняго развитія капитализма, тѣмъ ближе къ соціалистическому перевороту, оказывается подточенной въ такомъ случаѣ въ одномъ изъ своихъ главныхъ устоевъ самомъ ходомъ экономической жизни; вмѣстѣ прежняго революціоннаго содержанія, экономическая практика подставляетъ въ эту формулу свое болѣе или менѣе оппортунистическое содержаніе, заключающееся въ увроченіи буржуазной собственности, въ раскоснѣніи рабочихъ массъ и въ глушеніи экономическаго положенія наиболѣе организованной части ихъ. Объ этой фактической поправкѣ необходимо серьезно считаться, нельзя